

— Они действительно ушли готовить снадобье, — сказал Тан Цю, после чего снова горько усмехнулся. — На самом деле время для приготовления снадобья не должно было наступить так рано, и старшему брату не обязательно было идти. Видимо, отец предвидел опасность и потому отправил старшего брата и третьего брата в тайное убежище клана Тан.

Лу Сяофэн понял, о чём он только что говорил, и слегка потянул за рукав Хуа Маньлоу, не дав тому задать вопрос.

— Кстати, — словно вспомнив что-то, Тан Цю поманил слугу, и через некоторое время тот принёс нечто, завернутое в чёрную ткань. — Это оставили у ворот перед исчезновением отца. Увидев это, он сильно изменился в лице, заперся в своей комнате, и с тех пор его больше никто не видел.

— Что это, предвестник смерти? — Лу Сяофэн подошёл, протянул руку и раскрыл свёрток, затем оглянулся на Хуа Маньлоу. — Если увидеть слишком много хорошего, вдруг потом не будет возможности?

Хуа Маньлоу с пониманием улыбнулся, но затем улыбка исчезла, и он спросил:

— Какой из них?

— Безумие, — Лу Сяофэн, глядя на пятиструнную цинь, которая была точной копией Цини Убийства из комнаты Сюй Сяна в усадьбе Шаньси, провёл рукой в воздухе.

Тонкий слой воска в правом нижнем углу цинь растаял, и иероглиф «Безумие», написанный с силой и изяществом, проступил на поверхности.

Пять Нарушений уже проявились в двух из них, и можно было представить, насколько сильна была жажда убийства в сердце нынешнего преступника.

Тан Цю внимательно слушал их разговор, ничем не прерывая, но, увидев иероглиф на цинь, словно погрузился в свои мысли. Вдруг слуга, который только что вышел, снова вернулся:

— Молодой господин, человек из водяной тюрьмы сбежал!

Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу обменялись взглядами. Тан Цю первым делом посмотрел на Лу Сяофэна, но увидел такое же удивлённое выражение, как у себя.

— Он был ранен и так долго пробыл в холодной воде, далеко не убежит, скорее ловите его! — Лу Сяофэн приказал Теневому стражу.

Теневой страж взглянул на Хуа Маньлоу — хм, пока молодой господин действительно не простит тебя, мы ещё подумаем, достойны ли вы быть зятем.

Хуа Маньлоу, конечно, понимал, о чём они думали, и с лёгкой долей досады и смущения махнул рукой, отпуская их.

— Брат Лу, я нашёл то, о чём говорил раньше, пойдёмте к дядюшке Юню.

Он поднялся и, опустив глаза, произнёс. Дядюшка Юнь и Юй Си, увидев, что они разговаривают, уже потащились наружу.

— Хорошо, — Лу Сяофэн с радостью согласился, поспешно взял книгу и последовал за ним.

Второй сын Тана остался один во дворе, огляделся, смущённо кашлянул и только потом вспомнил, что нужно вести людей на поиски сбежавшего лже-второго господина.

Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу вышли за пределы клана Тан, но так и не нашли дядюшку Юня и Юй Си, не зная, куда могли отправиться эти двое, которые только вчера впервые встретились.

— Брат Си Мэн отпустил этого человека, поверит ли он? Не боится ли он, что мы проследим за ним, и сам покончит с собой на полпути? — спросил Хуа Маньлоу.

Они шли, спрашивая и преследуя.

— Если в сердце человека есть желание, он всегда сохранит толику надежды, — уверенно сказал Лу Сяофэн. — Этот человек всё время говорил о возвращении Господина Юня. Если он не увидит, что Господин Юнь действительно вернулся, или не убедится, что всё это его воображение, он даже в смерти не найдёт покоя. Поэтому он обязательно попытается вернуться в своё логово. С лёгкой походкой Си Мэна притвориться, что его упустили, должно быть легко. Кроме того, для самоубийства нужна смелость, и, судя по его состоянию, с детства его не воспитывали как смертника, в отличие от предыдущей группы убийц, он не покончит с собой легко.

Хуа Маньлоу кивнул:

— Брат Лу действительно мастер понимать людские сердца.

Лу Сяофэн резко повернул голову, уставившись на спокойное лицо идущего рядом человека:

— Да? Я всегда так думал, но потом понял, что есть одно сердце, которое я, кажется, никогда не мог понять.

Хуа Маньлоу не изменился в лице, только сжал веер в руке:

— Это потому, что сердце брата Лу, кажется, тоже никто никогда не мог понять.

Лу Сяофэн ощутил одновременно радость и пустоту, а затем сказал:

— На самом деле я, конечно, хочу, чтобы кто-то понял моё сердце, и я стараюсь, чтобы человек, чьё сердце я хочу понять, понял моё сердце.

...

Следящий за ними Теневой страж номер один чуть не задохнулся — мой молодой господин и зять, весь мир уже понял ваши сердца, не могли бы вы просто побыстрее всё объяснить?!

Пока они разговаривали о сердцах, они нашли очень знакомое место, где были всего несколько дней назад — постоянный двор «Шучжун». Однако на этот раз, без прежней загадочности, едва войдя в зал, они увидели сцену, от которой у всех отвисла челюсть.

В просторной комнате все столы были на месте, но никто не играл в азартные игры. Перед большим круглым столом стоял мягкий диван, прямо под табличкой «Не играть — не весело», на котором, облокотившись на спинку, сидел дядюшка Юнь. Рядом с ним были расставлены изысканные закуски, а он сам с закрытыми глазами отдыхал, воплощая образ настоящего господина. Но это было ещё ничего, ключевым моментом было то, что двое человек приседали на пол, массируя ему ноги, и именно эти двое заставили Лу Сяофэна удивиться.

Действительно, заметив, что Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу вошли, двое на полу мгновенно вскочили с поразительной ловкостью.

Дядюшка Юнь открыл глаза и с улыбкой произнёс:

— А, это пришли маленький Феникс и маленький Цветочек.

Маленький Феникс ничего не сказал, а маленький Цветочек чуть не подавился собственной слюной — Госпожа Сян и другие называли его Цветочком, и он с трудом смирился с этим, но добавить ещё «маленький» — это уже вызывало мурашки по коже.

Юй Си с другой стороны жадно ел. В Долине Ста Чудовищ старик любил цветы и травы, но не любил готовить. Когда он только прибыл в долину, считал себя счастливчиком, что не умер с голоду, где уж тут было пробовать знаменитые блюда Сычуани и деликатесы. Едва маленькая борода вынесла еду, он уже забыл, за чем пришёл, помня только, что нужно сначала насладиться едой.

— Дядюшка Юнь, оказывается, вы знакомы с хозяином этого места, знали бы раньше, мы бы сразу назвали ваше имя, чтобы не тратить время зря, — Лу Сяофэн взглянул на стоящего рядом, по-прежнему в красном халате, с руками за спиной, с поднятым носом и равнодушным взглядом, старающегося сохранить образ загадочного хозяина игорного дома.

Дядюшка Юнь тоже посмотрел на него:

— Дань-эр, разве это не маленький Феникс пришёл? Почему же ты перестал массировать ноги своему дяде?

...

Пфф, как только прозвучало «Дань-эр», все в комнате, кроме троих, рассмеялись. Юй Си, только что сделавший большой глоток чая, чтобы смыть крошки закуски, выплюнул всё и, присев на пол, схватился за живот, смеясь до слёз. Даже Хуа Маньлоу не стал обращать внимания на предыдущее «маленький Цветочек». Лу Сяофэн, глядя на покрасневшее лицо хозяина Дань-эра, тоже рассмеялся, ямочки на щеках стали глубже — это имя действительно имело разрушительную силу, куда сильнее всех его прежних загадочных уловок.

Маленькая борода подошла, чтобы успокоить его, у дядюшки Юня была такая привычка — каждый раз, приходя, он подшучивал над детскими воспоминаниями, а этот человек был слишком чувствительным, и каждый раз всё заканчивалось суматохой.

Действительно, дядюшка Юнь, видя, что его единственный племянник вот-вот взорвётся, не только не остановился, но и продолжал подливать масла в огонь:

— Дань-эр, так нельзя, в следующий раз, когда встречу твоего учителя, я обязательно поговорю с ним о воспитании молодёжи. Посмотри, за это время ты забыл, что такое уважение к старшим. Дядя пришёл с трудом, а ты даже неохотно массируешь ноги, это ещё хорошо, что ноги у меня пока здоровые, а вдруг потом упаду, приду к тебе на пару дней, и ты, что, собираешься выгнать меня с метлой?..

Волосы хозяина Дань-эра то поднимались, то опускались, и после нескольких попыток он сквозь зубы произнёс:

— Как же так? Дядя может приходить когда угодно, только не говорите учителю, что видели

меня, я всегда рад вас принять.

Массировать ноги? Найдём время, когда никого нет, и я точно не сломаю твои старые кости!

Дядюшка Юнь засмеялся, с молодёжью всегда весело, но дома у него был тот, кто всегда притворялся холодным, и шутить с ним было неинтересно, каждый раз он сам попадал в ловушку.

— Вы опять зачем пришли?! — Хозяин Дань-эр, полный гнева, обрушился на двух зрителей, наслаждающихся зрелищем.

Лу Сяофэн, держа Хуа Маньлоу за руку, отступил на шаг, чтобы не попасть под его гнев, и, сдерживая смех, сказал:

— Мы пришли найти дядюшку Юня, не знали, что вы тоже знакомы с ним, Дань-эр... хозяин Дань-эр.

Перевод и адаптация китайских терминов и имён собственных выполнены в соответствии с предоставленным глоссарием.

<http://bllate.org/book/16229/1458313>